

Кандоба И.М.

Личность женщины в греческой трагедии (по данным Эсхила и Софокла)

[Stable URL: <http://elar.uniylar.ac.ru/jspui/handle/123456789/1463>]

[Публикация работы:]

Кандоба И.М. 2005: Личность женщины в греческой трагедии (по данным Эсхила и Софокла) // Личность в политике, науке, культуре (всемирная история). Докл. Всероссийской конф. молодых исследователей. ЯрГУ им. П.Г. Демидова, 15-17 сентября 2005 г. / В.В. Дементьева (отв. ред.). Ярославль, 17-20.

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ
ЦЕНТР АНТИКОВЕДЕНИЯ
ЯРОСЛАВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
ЯРОСЛАВЛЬ, РОССИЯ

THE SCIENTIFIC & EDUCATIONAL
CENTRE FOR CLASSICAL STUDIES
AT YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY
YAROSLAVL, RUSSIA

DAS WISSENSCHAFTLICHEN FORSCHUNGS- UND
STUDIENZENTRUM FÜR DIE GESCHICHTE,
KULTUR UND RECHT DER ANTIKE
DER STAATLICHEN DEMIDOW-UNIVERSITÄT JAROSLAWL
YAROSLAWL, RUSSLAND

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ
АНТИКОВЕДОВ
RUSSIAN SOCIETY OF CLASSICAL STUDIES

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ И
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ФОНД
«ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ РИМСКОГО ПРАВА»
ЯРОСЛАВСКИЙ ФИЛИАЛ
THE RESEARCH AND EDUCATIONAL FOUNDATION
“THE CENTRE FOR ROMAN LAW STUDIES”
YAROSLAVL BRANCH

ЯРОСЛАВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY

и нравы (VIII. 144). Мы можем расценить это как свидетельство развития самосознания, представления о себе как общности. А это немаловажный фактор для греков, разделенных на локальные общности, как одно из средств обеспечения единства их уникальной «очаговой» культуры.

Таким образом, осуществленные Геродотом на обширнейшем материале сравнительно-исторические исследования стали не только образцом для подражания при описании «варварского быта» в литературе и поэзии более поздних периодов. Геродот представляет пример творческого осмысления иной культуры. «Творческое понимание не отказывается от самого себя, от своего места во времени, от своей культуры и ничего не забывает»⁹ Возможно поэтому, как пишет Ю.В. Андреев, «заимствуя все и отовсюду, греки при этом ухитрились не просто сохранить оригинальность и неповторимость своей собственной культуры, но еще более развили и усилили ее»¹⁰.

Указывая на былое варварство эллинов, Геродот тем самым почти полностью лишает термин «варвар» pejоративного значения. Однако следует учитывать, что эллины утверждали свое «Мы» не посредством этнических, территориальных, гражданских – т.е. объективных характеристик, а скорее на основе морально-культурных критериев. Эти субъективные признаки, выделенные Геродотом, свидетельствуют о зарождении личностного начала внутри греческого социума, превратившего эллина в «наблюдателя мира».

¹ Статья выполнена при поддержке гранта БелГУ 2005 года для аспирантов и студентов на проведение приоритетных исследований в науке и технике (№ проекта ВКАС 052-05)

² Пелипенко А.А., Яковенко И.Г. Культура как система. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 339.

³ Там же. С. 340.

⁴ Борухович В.Г. Научное и литературное значение труда Геродота // Геродот. История. В 9-ти кн. Пер. Г.А. Стратановского. М.: Ладомир, ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1999. С. 615-618.

⁵ Человек античности: идеалы и реальность / Сост. В.И. Исаева, И.Л. Маяк. М.: Просвещение, 1992. С. 58.

⁶ Лурье С.Я. Очерки по истории античной науки. М.-Л.: Академия наук СССР, 1947. С. 108.

⁷ Он же. История Греции. СПб.: Издательство С.-Петербургского ун-та, 1993. С. 612.

⁸ Там же.

⁹ Кондаков И.В. Интерсубъективность культуры // Человек как субъект культуры / Отв. ред. Э.В. Сайко. М.: Наука, 2002. С. 176.

¹⁰ Андреев Ю.В. Цена свободы и гармонии. Несколько штрихов к портрету греческой цивилизации. СПб.: Алетей, 1999. С. 11.

И.М. Кандоба

ЛИЧНОСТЬ ЖЕНЩИНЫ В ГРЕЧЕСКОЙ ТРАГЕДИИ (ПО ДАННЫМ ЭСХИЛА И СОФОКЛА)

На сегодняшний день можно дать немало определений термину личность. Греки «личность» отождествляли с актерскими масками, которые были закреплены за определенными типами действующих лиц. Римляне, говоря о личности, имели в виду определенную социальную роль человека. Далее понятие личности наполнялось все большим многообразием

смысловых значений, оттенки и диапазон которых в определенной мере специфичны для конкретного языка (английского, немецкого, русского, французского)¹.

Согласно ролевой теории, личность характеризуется главным образом через выполняемые ею социальные роли. Принятие или непринятие социальной роли, серьезность её исполнения, ответственность за последствия своих действий характеризуют человека как личность².

В большинстве своем исследователи античности не признают самостоятельность личности греческой женщины. Е. Вардиман³, И. Блох⁴, Ф. Энгельс⁵. признали бы личность женщины только тогда, когда она преодолел институт гетерии. Л. Винничук⁶ и П. Гиро⁷ самостоятельность и ответственность, составляющие самые существенные характеристики человека как личности, перекладывают с женщины на мужчину: отца, брата, опекуна и т.д. Таким образом, исследователи лишают греческую женщину личностного поведения – поведения по собственному, свободному выбору.

Нарративные источники обладают ценнейшей информацией по любому из периодов истории. По истории Греции классического времени художественный текст как источник занимает не последнее место. Древнегреческие трагедии традиционно исследовались для реконструкции религиозной и политической жизни Эллады. Взгляд на трагедию как на источник по изучению личности женщины в греческом обществе на сегодняшний день недостаточно глубок и обширен. По нашему мнению, данные трагедий Эсхила и Софокла позволяют отойти от некоторых стереотипов в оценке личности женщины в греческом обществе.

Сущность личности проявляется при изучении положения, позиции человека во взаимоотношениях его с другими людьми. Приведем цитаты, позволяющие судить о самостоятельности женщины. В трагедии Софокла «Царь Эдип» находим следующее: «К нам из дворца выходит Иокаста. Она поможет кончить спор добром». (*Soph. Oed. tyr.* 605 – 606). На этом примере мы можем видеть, что женщине предоставлено право самостоятельно решить возникшую проблему (касающуюся в данном контексте не её самой, а Эдипа). У Эсхила в трагедии «Семеро против Фив» обнаруживаем тот факт, что с мнением женщины могли считаться в принятии важных решений. Так, Этеокл, правитель Фив, противится участию женщин в решении вопроса о защите Фив, но в конечном итоге вынужден с ними считаться: «Я с женщинами дела не хочу иметь. Одержат верх – наглеют так, что спасу нет... И далее одна из фиванских девушек предлагает помощь в вопросе о защите города: «Послушался бы женщин, хоть не любишь их», на что Этеокл отвечает: «Скажите мне, что делать, только коротко»⁸. Таким образом, с мнением женщины в определенных ситуациях считались, его признавали.

В трагедии Эсхила «Персы» встречаем обращение старца к Атоссе, вдове царя Дария, матери царя Ксеркса: «Но, как око богов, засветился нам свет: то выходит царя венценосная мать и царица моя! Припадем же к стопам государыни все и приветственных слов принесем ей согласные дани!...»⁹ В другой трилогии «Орестея» один из старейшин обращается к Клитемнестре: «Пред твоим величием склоняюсь я: долг подданных царицу чтить, когда на троне мужеском владыки нет», «Как мудрый муж, высокая жена, ты речь отрадную держала»¹⁰. То есть здесь представлено даже сравнение с мужчиной, которого названные выше исследователи уж точно не лишают важнейших черт личности.

Важное место в исследовании положения женщины по данным литературного источника занимает действие, имевшее место, как правило, в заключение трагедии, а именно смерть героя или героев. В софокловских трагедиях это нередко представлено самоубийством.

Исследуя трагедии Софокла, находим, что два случая женских самоубийств из четырех заканчивались повешением (Иокаста и Антигона), другие – два – Евридика и Деянира – при помощи оружия.

Эсхилевская Клитемнестра также упоминает о веревке в контексте повествования об ожидании мужа Агамемнона: «Чуть разумом от страха не рехнулась я! Не раз из петли, со стропила свешанной, царицу вынимали слуги верные»¹¹.

Рассматривая причины такого поступка, как самоубийство, А. ван Хоф в иерархии мотивов ставит на первое место стыд, на второе – отчаяние, на третье – горе. И замечает, что Иокаста кончает жизни самоубийством из чувства смертельного стыда (открыла тайну о браке с собственным сыном Эдипом). Ещё более ясно представляется картина в «Трахинянках». Деянира, узнав о том, что она, не желая того, убила мужа, стремится в спальню покончить с жизнью: «Вот она постель готовит, вот на ложе Гераклово накинула покров, потом сама вскочила на кровать, посередине села... Она лежит, поражена кинжалом двусторонним прямо в сердце» (*Soph. Trach.* 926-930, 942-943). В этом случае причиной самоубийства может быть и стыд, и горе. Суицид Евридики, матери Гемона, вероятно, происходит на почве отчаяния и горя. В самоубийстве же Антигоны можно увидеть все три причины: 1) стыд за то, что брат Полиник не был похоронен по обычаю, 2) отчаяние, которое заключается в том, что Антигона не может найти тех, кто мог бы её понять; 3) горе, явно проявляющееся в самоубийстве, которое она совершает в заточении.

Женщины стеснялись публичности, которой жаждали многие мужчины, – отмечает А. ван Хоф. И действительно, и Иокаста, и Антигона, и Деянира умирают не на публике, а в одиночестве, в то время как Геракл и Аякс совершают предсмертное прощание с родственниками и воинами.

Самоубийство, безусловно, поступок, который, в конечном счете, требует самостоятельного решения. Исследуя трагедии Софокла, удалось обнаружить, что в момент самоубийства женщины находились наедине с собой, шли на это сознательно. Таким образом, не в лучшем качестве, но они проявляют свою самостоятельность и ответственность за последствия своих действий, которые входят в важнейшие характеристики качеств личности.

Признание личности женщины можно обнаружить не только в межличностных отношениях, но и при обращении к аспектам юридического характера.

П. Гиро замечает, что завешание составлялось завещателем в присутствии нескольких свидетелей и хранилось или у одного из друзей, или в храме, или у должностного лица. Содержание не доводилось до сведения свидетелей; последние знали только сам факт наличия завешания¹².

О юридическом документе, содержащем информацию об имуществе завещателя, находим сведения в трагедии «Трахинянки» Софокла. Деянира, жена Геракла неоднократно упоминает о какой-то старинной дощечке с завешанием. При этом она раскрывает его содержание: «Определил мне часть мою и сколько земли отцовской детям завещает» (*Soph. Trach.* 170-171). Таким образом, мы не только констатируем, что завешание оказалось не секретным документом, но и обнаруживаем круг свидетелей, а вернее одного свидетеля – Женщину, жену Геракла. Это говорит не только о важности её роли в таком серьезном мероприятии, но, наряду с этим, и о признании её личности.

Итак, личность характеризует человека со стороны его общественных связей и отношений, т.е. взаимосвязей с другими людьми. На основе данных трагедий мы могли убедиться в том, что греческая женщина являлась личностью: обладала автономией в решении вопросов касающихся её лично; могла стать хранителем ценных юридических документов и знать их содержание (как правило, считавшееся секретным); могла разрешить спор между мужчинами, или хотя бы повлиять на его ход; могла дать, вероятно, ценный совет, принимавшийся мужчиной; в отдельных случаях её поступки, способ поведения сравнивали с мужскими.

¹ Куликов Л.В. Психология личности в трудах отечественных психологов. СПб.: ПИТЕР, 2000. 480 с.

² Райгородский Д. Психология личности. Т. 2. Хрестоматия. Самара: БАХРАХ, 1999. 544 с.

³ Вардиман Е. Женщина в древнем мире. М.: Наука, 1990. 335 с.

⁴ Блах И. История проституции. СПб.: АТС ПРЕСС, 1994. 544 с.

⁵ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М.: Политиздат, 1975. 240 с.

⁶ Винничук Л. Люди, нравы и обычаи Древней Греции и Рима. М.: Высшая школа, 1988. 496 с.

⁷ Гиро П. Быт и нравы древних греков. Смоленск: Русич, 2000. 624 с.

⁸ Эсхил, Софокл. Трагедии / Пер. с древнегреч. М.: Рипол классик, 2001. С. 172, 90.

⁹ Там же. С. 27.

¹⁰ Там же. С. 163, 167.

¹¹ Там же. С. 182.

¹² Гиро П. Указ. соч. С. 49.

